

Ч. Миллс

Об интеллектуальном мастерстве (и социологическом воображении)*

Вы можете спросить, откуда брать идеи и как прищипорить воображение, чтобы умозрительные заключения и объективные данные соединились вместе, чтобы образы стали отчетливыми, а факты заиграли и получили определенный смысл? Не думаю, что смогу ответить на этот вопрос. Единственное, что я в состоянии сделать, – это поговорить об общих условиях и некоторых простых приемах, которые, как мне кажется, увеличивают шансы до чего-либо додуматься.

Напомню, что социологическое воображение во многом заключается в способности мысленно менять ракурсы, перспективы и таким образом формировать адекватное представление об обществе в целом и его отдельных частях. Именно воображение отличает ученого от технического исполнителя. Хорошего техника можно обучить за год-два. Социологическое воображение приобретается только в результате длительного самовоспитания, которое редко происходит без утомительной рутины.

Особенность социологического воображения заключается в своеобразном сочетании идей немецкой философии и английской политэкономии. Это сочетание и составляет основу для

игры ума и поистине непреодолимого влечения познать мир. Этого влечения напрочь лишен заурядный исполнитель: он слишком хорошо выучен, даже можно сказать, натаскан. Поскольку натаскивать можно только в том, что уже известно, натаскивание иногда порождает неспособность к самообучению: человек противится всему, что имеет малейшую долю неопределенности. Ученый же должен уметь ухватить возникшие нечеткие образы и понятия и старательно их разработать. Если у кого-то рождаются оригинальные идеи, они почти всегда возникают в сыром, незаконченном виде.

Я полагаю, что есть вполне определенные способы стимулировать социологическое воображение.

1) На уровне самых конкретных действий один из способов, как я уже говорил, – пересмотреть старые записи: раскрыть файлы, смешать листы независимо от их содержания, а затем снова рассортировать. Делать это нужно, по возможности, не спеша. Насколько частой и существенной окажется такая перетасовка, зависит, конечно же, от конкретных проблем и от степени их разработанности. Но механика процесса всегда одна и та же: держать в голове те проблемы, над которыми вы активно работаете, и стараться не заслонять себе неожиданные, незапланированные связи между идеями и / или фактами.

* Окончание. Начало см. в № 4.

2) Игровое отношение к словам и фразам, с помощью которых формулируются проблемные положения, часто раскрепощает воображение. К каждому из ваших ключевых понятий найдите синонимы в словарях и специальных отраслевых справочниках, чтобы ознакомиться со всем спектром их коннотаций. Этот простой прием подтолкнет вас к дальнейшей разработке проблемы и, как следствие, к более краткому и точному определению ключевых понятий. Учитывая разные значения, которые могут быть приданы фразам и отдельным словам, можно отобрать именно те из них, с которыми вы хотите работать. Однако пристальное внимание к словам ведет еще дальше. Во всякой работе, и особенно при тщательном рассмотрении теоретических утверждений, вы будете стараться внимательно относиться к объему понятия каждого ключевого термина и иногда посчитаете полезным придать утверждениям высокого уровня абстракции более конкретное значение. При этом вы обнаружите, что одно утверждение может распасться на две-три части, каждая из которых относится к различным уровням. Можно также попытаться выйти на более высокий уровень обобщения, чтобы, отбросив специфические признаки, рассмотреть переформулированное утверждение более абстрактно, попробовать распространить его на более широкий круг явлений, и затем, двигаясь “сверху” и “снизу” (от абстрактного к конкретному и от конкретного к абстрактному) до полного прояснения вопроса, проанализировать каждый его аспект и выявить возможные смыслы.

3) В результате анализа общих понятий могут складываться идеальные типы. Построение новой классификации обычно дает толчок к плодотворным изысканиям, которые способствуют выработке умения типологизировать один и тот же материал разными способами. Отказавшись от первоначальной рубрикации сво-

их записей, основанной на здравом смысле, вы будете искать причины сходств и различий между выделяемыми типами. Для построения хорошей типологии необходимы отчетливо сформулированные, системные основания, поэтому вы должны выработать привычку делать многомерные классификации.

Техника многомерной классификации применима не только к количественным данным. На

самом деле это лучший способ придумать и обосновать новые типы, критически рассмотреть и прояснить старые. Графики, таблицы, диаграммы – это не только способ сжато представить результаты изысканий. Очень часто они выступают в качестве самых настоящих орудий производства: с их помощью при конструировании идеальных типов проясняют категориальные признаки, которые тоже могут служить отправной точкой для работы во-

ображения. Я думаю, что за последние пятнадцать лет я не написал и двух десятков страниц чернового текста без какой-нибудь, пусть небольшой, двумерной классификации. Эти черновые тексты, разумеется, далеко не всегда доходят до пригодного к публикации вида – большая часть их, в конечном счете, оказывается в корзине. Но прежде чем отправить неудавшийся текст в корзину, вы уже чему-нибудь научитесь, поскольку работа над типологией способствует развитию умения ясно мыслить и четко излагать. Типология позволяет охватить все пространство рассматриваемых признаков и увидеть полную картину взаимоотношений между известными вам фактами.

В социологии многомерная классификация играет ту же роль, что разбор предложения при изучении грамматики. Во многих отношениях многомерная классификация является грамматикой социологического воображения. Как и в работе со всякой грамматикой, здесь необходим контроль, чтобы ее использование не вышло за рамки поставленных задач.

Социологическое воображение во многом заключается в способности мысленно менять ракурсы, перспективы и таким образом формировать адекватное представление об обществе в целом и его отдельных частях

4) Зачастую наиболее ясное понимание достигается при рассмотрении полярных случаев – при обдумывании ситуаций и явлений, прямо противоположных тому, с чем вы непосредственно соприкасаетесь в данный момент. Если вы думаете об отчаянии, подумайте и о восторге. Изучая бедность, подумайте о расточительстве. Очень трудно изучать один объект изолированно; при сопоставлении различных объектов легче охватить материал и выделить параметры для сравнения. Вы обнаружите, что сравнительное рассмотрение противоположностей хорошо помогает прояснить картину в целом. Этот прием оправдан и с логической точки зрения. Конечно, без проведения выборочного исследования можно только догадываться о статистическом распределении разных признаков. Но для того, чтобы представить весь спектр вариантов и выделить основные типы некоторого явления, наиболее рациональным является конструирование “полярных” типов, противостоящих друг другу по различным параметрам. Разумеется, это не означает полного отказа от количественных измерений, от установления (хотя бы приблизительного) частоты появления определенных типов. На самом деле построение “полярных” типов сопровождается поиском индикаторов, по которым можно найти или собрать количественные данные.

Идею сравнивать противоположности можно реализовать и по-другому. Например, можно спросить самого себя: а как к такой-то проблеме подошел бы такой-то политолог, книгу которого вы недавно прочли, или такой-то психолог-экспериментатор, или такой-то историк? Вы строите предположения, исходя из различных точек зрения, и в этом плане очень полезным может оказаться написание диалогов.

Вы обнаружите, что, мысленно споря с какой-либо противоположной точкой зрения и пытаясь разобраться в новой для себя области исследований, вы прежде всего сопоставляете основные аргументы “за” и “против”. Одним из признаков искусственности в литературе является способность верно определить позиции противников и сторонников каждой возможной точки зрения. Кстати говоря, для этого не обязательно слишком глубоко погружаться в море книг – в нем можно утонуть. Важно уметь различать, когда еще нужно читать, а когда прочитанного уже достаточно.

5) Важно отметить, что, работая с многомерной классификацией, вы используете ради простоты альтернативу “да / нет”, и это побуждает вас думать о полярных противоположностях. И, в общем, это правильно, хотя качественный анализ ничего не говорит о частоте и распро-

страненности рассматриваемого явления. Цель качественного анализа – установить совокупность возможных типов. Часто этого бывает достаточно, хотя при решении некоторых исследовательских задач вам непременно понадобится более точное представление о распределении тех или иных признаков.

Иногда воображение можно стимулировать, перевернув привычные сюжеты с ног на голову. Представьте, что нечто мизерное вдруг стало громадным, или нечто громадное стало крохотным, и попытайтесь ответить на вопрос, что изменится от такого превращения. Сейчас я даже представить себе не могу, чтобы я от-

правился что-то измерять и подсчитывать, не наигравшись в своем воображении с каждым элементом, с каждым условием, с каждым мыслимым изменением. Складывается впечатление, что статистикам даже в голову не приходит (а должно бы) простое правило: прежде

Графики, таблицы, диаграммы – это не только способ сжато представить результаты изысканий. Очень часто они выступают в качестве самых настоящих орудий производства: с их помощью при конструировании идеальных типов проясняют категориальные признаки, которые тоже могут служить отправной точкой для работы воображения

чем строить выборку, подумай о генеральной совокупности.

6) При изучении любой проблемы полезно провести *сравнительный анализ* имеющихся материалов. Сравнения в рамках одной культуры, одного или нескольких исторических периодов подскажут возможные направления для исследования. Не пытайтесь описывать какой-нибудь современный социальный институт без сопоставления со сходными институтами других обществ или исторических периодов. Это полезно, даже если вы не будете делать явных сравнений. Со временем вы едва ли не автоматически станете направлять мышление в историческое русло. Какое бы общество вы не исследовали, оно всегда уникально, другого такого же просто нет. Поэтому чтобы сравнивать, вам необходимо поместить его в исторический контекст. Иначе говоря, сравнительный подход требует изучения исторических материалов, а это нередко приводит к обнаружению трендов или типичных фаз развития. Далее, вы будете использовать исторические сведения для получения более полной картины или для более адекватного упорядочения некоторых явлений, то есть для того, чтобы проследить вариации определенных параметров. Социологу просто необходим определенный багаж знаний мировой истории, поскольку, независимо от осведомленности в других областях, без знания истории любые представления будут искаженными.

7) Наконец, еще один момент, который больше касается умения скомпоновать книгу, чем способов стимулировать социологическое воображение. Воображение и композиция нередко идут рука об руку: от того, как вы расположите материал, во многом зависит содержание книги. Я научился этому у замечательного редактора, Ламберта Дэйвиса, который, я надеюсь, ознакомившись с моим переложением его мысли, не откажется от своего авторства. Речь идет о различении понятий “идея” и “тема”.

Тема – это предмет рассмотрения, например, “карьера руководителей корпораций”, “расширение и укрепление власти военных чиновников” и т. п. Обычно на раскрытие одной темы уходит глава или параграф. Но вопрос о порядке расположения тем часто относится к сфере идейного содержания книги.

Идея обычно выражает ключевую мысль, рабочую концепцию или принципиальное различие – например, между рациональностью и разумом. Если, работая над построением книги, вы нащупаете две-три, а тем более шесть-семь идей, можете быть уверены, что книга состоялась. Ее идеи легко распознать по тому, как они упорно всплывают при рассмотрении самых разных тем, и вам даже будет казаться, что вы повторяетесь (иногда не без оснований – особенно это касается самых скомканных, сбивчивых, наименее удачно написанных разделов рукописи).

Поэтому идеи обязательно надо выписывать отдельно, как можно яснее и короче формулировать их в обобщенном виде, затем поочередно соотносить каждую идею с каждой темой, как бы спрашивая себя: что нового вносит конкретная идея в раскрытие каждой темы? И, наконец, ответить на еще один вопрос: изменяется ли сама идея при раскрытии той или иной темы?

В социологии многомерная классификация играет ту же роль, что разбор предложения при изучении грамматики. Во многих отношениях многомерная классификация является грамматикой социологического воображения

Для изложения важной идеи обычно требуется целая глава (или параграф), которую целесообразно помещать либо при первом упоминании об этой идее либо при подведении итогов в конце книги. Думаю, что большинство пишущих и систематически мыслящих авторов согласятся с тем, что в книге должен быть специальный раздел, где раскрывались бы все идеи и взаимосвязи между ними. Иногда, хотя и не всегда, это можно сделать в начале книги, но при хорошо

продуманной композиции новые и важные мысли излагаются ближе к концу. И вы все время должны соотносить каждую идею с каждой темой, или, по крайней мере, стараться это делать.

Эту рекомендацию легче высказать, чем осуществить на практике. Это не механическая операция, как может показаться на первый взгляд. Механический подход в этом деле можно применить только в том случае, если идеи удастся выделить и сформулировать предельно четко (в художественной литературе это называется лейтмотивом).

Кстати, в иной научной книге невозможно обнаружить ни одной идеи. Такая книга представляет собой набор тем, снабженных методологическими и теоретическими введениями, которые абсолютно необходимы тому, кто пишет работу безо всяких идей. Нередко отсутствие идей свидетельствует о том, что автору просто нечего сказать в доступной для понимания форме.

Уверен, многие согласятся с тем, что свою научную работу надо представлять настолько просто и понятно, насколько это позволяет сложность предмета и ясность ваших мыслей. Но, как нетрудно заметить, сегодня в общественных науках доминирует напыщенный и многословный стиль. Могу предположить, что использующие его авторы думают, что подражают “физикам”, не подозревая о том, что основная масса *такой* литературы никому не нужна. Более того, авторитеты заявляют о “глубоком кризисе грамотности”, который затронул и общественные науки¹.

Можно ли считать, что появление такой манеры изъясняться, которую М. Коули удачно назвал “социоязом” [Cowley. P. 41], вызвано особенной глубиной и тонкостью обсуждаемых социально-политических проблем, понятий, методов? Действительно ли “социояз” так необходим для работы? Если да, то ничего не поделаешь. Если нет, то как от него избавиться? Я убежден, что такой наукообразный жаргон слабо соотносится со сложностью предмета и не имеет ничего общего с глубиной мысли. Использование этого жаргона целиком обусловлено неверным пони-

манием сочинителями академических трудов своей роли в обществе.

В некоторых научных кругах любого, кто старается писать доступно для широкой аудитории, зачастую клеймят “просто литератором” или “журналистом”. Наверно, вы уже поняли, что, как правило, за этими фразами стоит ложный постулат: понятно значит поверхностно. Представители академической науки, ведя активную интеллектуальную жизнь, тем не менее, не отрывались от социальной среды. Однако среда эта нередко была для них неблагоприятна. Человек, выбравший академическую карьеру, вынужден был жертвовать многими доминирующими ценностями, и компенсировать эти жертвы должен был высокий престиж звания “ученый”. Называться “простым журналистом” для такого человека – недостойно, мелко. Именно в этом, я думаю, заключается причина выработки специального языка и манеры речи (устной и письменной), овладение которой не требует большого труда. Сложился своего рода негласный договор: тот, кто не манерничает, становится объектом неодобрения. Эту ситуацию можно объяснить тем, что в академических институтах немало посредственностей, которые по вполне понятным причинам стремятся избавиться от всех, кто способен всерьез привлечь внимание образованных людей как внутри академической среды, так и вне ее.

Писать книги – значит стремиться привлечь внимание читателей. Это свойственно любому автору. Быть автором – значит, как минимум, претендовать на определенный статус и рассчитывать, что твои работы прочитают. Молодому представителю академического мира свойственны обе эти претензии, и, поскольку он чувствует, что его общественное положение невысоко, то часто начинает претендовать на статус до того, как успеет привлечь внимание читателей. В современном обществе даже самые выдающиеся ученые мужи фактически не имеют значимого статуса среди широкой публики. В этом отношении социология находится на низшей ступени,

¹ Отсюда идея: труды специалистов по антропологии и социологии должны проходить обязательную экспертизу филологов.

так как многие особенности социологического стиля восходят к тем временам, когда статус социологов в ученой среде был невысок. Стремление к статусности – вот причина, по которой ученые столь легко сбиваются на невразумительность. А невразумительность, в свою очередь, препятствует достижению столь желанного высокого положения в обществе. Поистине порочный круг. Но из него любой ученый может легко выйти.

Чтобы отказаться от академической *прозы*, прежде надо отказаться от академической *позы*. Выучить грамматику с лексикой легче, чем ясно и четко ответить на следующие три вопроса: 1) насколько труден для изучения предмет вашего исследования? 2) на какой статус вы претендуете, когда пишете? 3) зачем вы публикуетесь?

1) На первый вопрос обычно дается такой ответ: предмет исследования проще, чем манера изложения. Доказать это нетрудно: 95% книг по общественным наукам прекрасно переводятся на нормальный, общедоступный язык.

Но вы вправе спросить: неужели можно совсем обойтись без специальных терминов?² Конечно, нужны, но “специальные” – не значит “трудные для понимания”, и жаргон здесь просто неуместен. Если специальные термины ясны и точны, их нетрудно употреблять в контексте общедоступного языка так, чтобы для читателя был понятен их смысл.

Можно, конечно, возразить, что общеупотребительные слова часто несут оценочную, эмоциональную нагрузку, и что их лучше избегать, вводя в научные тексты новые слова и технические термины. Отвечаю на это. Верно, что обще-

употребительные слова часто имеют определенные коннотации. Но многие общеупотребительные в общественных науках термины также “нагружены”. Писать ясно – значит контролировать эту нагрузку, точно выражать свою мысль, чтобы читатель мог понять ее без искажений. Представьте, что подразумеваемые вами значения

очерчены окружностью радиусом два метра, в центре которой стоите вы, а значения, которые воспринимает читатель, описаны другой окружностью, в центре которой стоит он. Будем надеяться, что эти окружности пересекаются. Площадь пересечения и является областью коммуникации. Та часть круга читателя, которая не пересекается с вашим кругом, со-

ставляет область неконтролируемых смыслов: он додумал их, читая ваш текст. Непересекающаяся часть вашего круга – другое слагаемое вашего поражения: вам не удалось донести свою мысль до читателя. Умение писать заключается в том, чтобы совместить области значений языка читателя и вашего языка, написать так, чтобы вы оба находились в одном круге контролируемых значений.

Таким образом, я утверждаю что, во-первых, большая часть “социоюза” не связана ни со сложностью предмета, ни со сложностью мысли. Повод для его употребления, как я полагаю, почти полностью сводится к претензии: “Я знаю нечто, что вам трудно понять, если только вы не овладеете моим трудным языком. Ведь вы – непосвященные”.

2) Отвечая на второй вопрос, мы должны разграничить два способа представления работ, принятых в общественных науках, в зависимости от представлений пишущего о самом себе

Свою научную работу надо представлять настолько просто и понятно, насколько это позволяет сложность предмета и ясность ваших мыслей

² Те, кто разбираются в математическом языке лучше меня, скажут, что язык этот точен, краток и ясен. Именно поэтому я с большим подозрением отношусь к тем социологам, которые на словах центральное место отводят математике, но при этом пишут неточно, растянуто и неясно. Им следует взять урок у П. Лазарсфельда, который по-настоящему верил в математику и чьи работы, даже черновые наброски, всегда математически точны и прозрачны. Когда я не понимаю его математику, я знаю, что мне не хватает знаний. Когда я не соглашусь с тем, что он пишет нематематическим языком, я знаю, что это потому, что он ошибается, ибо всегда можно понять, что он говорит, а, следовательно, понять, в чем он неправ.

и о том, чье мнение он излагает. В одном случае предполагается, что пишущий – это конкретный человек, который может кричать, говорить, шептать или фыркать, но он постоянно присутствует. Кроме того, всегда можно судить о том, что это за человек – самоуверенный или невротичный, и каким путем – прямым или окольным – он движется к цели. Независимо от этого он является *центром* пересечения опыта и рассуждения. Он только что обнаружил нечто и сообщает нам об этом: за изложением слышится голос конкретного человека.

В другом случае работа пишется так, что в ней не слышно ни голоса, ни мнения, и в результате получается механически изготовленный текст, в котором нет ничего, кроме наукообразного жаргона. Такая статья или книга не просто безлична – она нарочито безлична. В этом стиле пишутся правительственные бюллетени, деловые письма и бо́льшая часть общественно-научных текстов. Если написанный текст невозможно воспроизвести в устной форме – это плохой текст.

3) И, наконец, вопрос о тех, к кому автор обращается. Очень важно, чтобы пишущий осознавал, для кого он пишет и что о них думает. Это непростые вопросы. Чтобы на них ответить, автору нужно сначала решить, какую роль он сам готов исполнять, и представить, какими знаниями располагает читающая публика. Писать – значит претендовать на то, что тебя будут читать. Но кто эти читатели?

Ответ на этот вопрос дал мой коллега, Лайонел Триллинг. Он разрешил мне изложить его позицию. Представьте, что вас попросили прочитать лекцию на хорошо знакомую вам тему для преподавателей и студентов разных факультетов солидного университета, а также для интересующейся публики. Представьте, что все эти люди сидят перед вами и имеют полное право знать то, что знаете вы. Представьте, что

вы хотите поделиться своим знанием. Представили? Теперь пишите.

Из социологов получают авторы четырех типов. Если пишущий считает, что ему есть что сказать, и хорошо представляет свою аудиторию, он будет стараться писать понятно. Если ученому есть что сказать, но он не вполне представляет свою аудиторию, он может сбиться на полную ахинею. Такому лучше быть осторожным. Если он не просто вообразит, что ему есть что сказать, а возомнит себя выразителем некой безличной воли, то, найдя себе публику, он может положить начало новому культу. Если же у ученого нет ни определенного мнения, ни аудитории, он будет просто писать в полном одиночестве ни для кого, ни от чьего имени, то, скорее всего, мы будем иметь дело с производителем стандартизированной прозы – с источником бессмысленного звука в пустом пространстве. Такая ситуация напоминает жутковатые романы Кафки. И не без оснований, ибо мы здесь обсуждаем границы разума.

Грань между глубокой мыслью и пустым многословием часто неуловима. Да, с помощью языка можно создать прекрасный мир, но, попав в него, мы не должны путать зачарованность новизной с глубиной познания. Члену академического сообщества следует не исключать себя из числа носителей поистине великого и могучего языка, а добиваться, чтобы его устная и письменная речь как можно больше походила на речь цивилизованных людей.

Осталось осветить последний вопрос, касающийся взаимодействия письма и мышления. Если вы будете писать, соотносясь только, как сказал Ханс Райхенбах, с “контекстом открытия”, вас поймут единицы. Кроме того, ваши утверждения окажутся субъективными. Для объективного мышления нужна работа в контексте “презентации”. Сначала вы демонстрируете мысли самому себе, проясняете их, затем, почувствовав, что

Наукообразный жаргон слабо соотносится со сложностью предмета и не имеет ничего общего с глубиной мысли. Использование этого жаргона целиком обусловлено неверным пониманием сочинителями академических трудов своей роли в обществе

достаточно в них разобрались, представляете их другим. Теперь вы в “контексте презентации”. Иногда вы будете замечать, как в процессе формулирования ваши мысли трансформируются, и не только по форме, но и по содержанию, потому что в контексте презентации к вам приходят новые идеи. Так возникает новый контекст открытия, отличный от исходного и, по большому счету, как мне кажется, более объективный. Здесь опять-таки нельзя отделить то, как вы мыслите, от того, как вы пишете. Вам приходится постоянно совершать рейды между контекстами, и, перемещаясь от одного контекста к другому, полезно знать, к какому из них вы двигаетесь в данный момент.

Из вышеизложенного, наверное, ясно, что в действительности никогда нельзя сказать, что вы “начинаете” работу над проектом; вы уже работаете над ним, даже если делаете записи “просто так”, собираете их в файлы, бесцельно перелистываете или целенаправленно ищете какие-то сведения. Если вы ведете образ жизни (и работы) ученого, у вас всегда будет много тем, которые хотелось бы изучить глубже. Решившись на публикацию, вы будете стремиться максимально использовать свои записи, конспекты прочитанных в библиотеке книг и статей, личные беседы – все, что относится к теме исследования или важной для вас идее. Вы пытаетесь построить маленький мирок, содержащий все ключевые элементы, вошедшие в вашу работу, систематически расставить их по своим местам, постоянно перedefинировать конструкцию в ходе проработки каждой из ее частей. Чтобы жить в этом сконструированном мире, надо знать, что нужно для его построения: идеи, факты, идеи, цифры и опять идеи.

Так вы будете узнавать и описывать, строить типологии для упорядочения того материала, который стал вам доступен, тщательно анализировать и организовывать свой опыт, давая название каждому отдельному явлению. Стремление упорядочить заставит вас искать повторяющиеся образцы и тенденции развития, находить среди отношений те, которые могут быть причинно-образующими и типическими. Иными словами, вы будете искать смысл того, что обнаружили, того, что можно интерпретировать как видимую сторону чего-то невидимого. Вы сделаете инвентарную опись всего, что, как вам кажется, имеет отношение к тому, что вы пытаетесь понять; вы будете постигать разные стороны явления, а затем тщательно, систематически соотносить их друг с другом, чтобы сформировать рабочую модель и с ее помощью попытаться объяснить изучаемое явление. Иногда это получается легко, иногда так ничего и не выходит.

Среди множества деталей вы постоянно будете искать те индикаторы, которые указывают

на основное направление изменений, на идеальные формы всего спектра общественных явлений и тенденции их развития. Ибо, в конечном счете, вы пишете о многообразии человечества.

Процесс мышления – это борьба за упорядоченность и одновременно за всесторонность взгляда на мир. Вы не должны прекращать свои размышления слишком быстро, в противном случае вам не удастся узнать то, что вы могли бы узнать. Но нельзя и затягивать процесс формирования текста, поскольку он может длиться до бесконечности. Исследовать дальше или публиковать результаты – в этом, я полагаю,

состоит главная дилемма. Размышления, особенно когда они приводят к результатам, являются самым увлекательным занятием, на которое только способен человек.

Я утверждаю что, во-первых, большая часть “социоюза” не связана ни со сложностью предмета, ни со сложностью мысли. Повод для его употребления почти полностью сводится к претензии: “Я знаю нечто, что вам трудно понять, если только вы не овладеете моим трудным языком. Ведь вы – непосвященные”

Изложенные мной рекомендации и предостережения можно подытожить.

1) Будьте мастером своего дела. Избегайте установления жестких процедур. Прежде всего, старайтесь развивать и применять социологическое воображение. Избегайте фетишизации метода и методики. Ратуйте за непретенциозное интеллектуальное мастерство и старайтесь сами стать мастером. Каждый должен быть сам себе методолог и сам себе теоретик. Отстаивайте приоритет индивидуального исследователя, противодействуйте влиянию безличных исследовательских команд, состоящих из технических исполнителей. Старайтесь рассматривать проблемы человека и общества со своей личной позиции.

2) Избегайте чрезмерно сложных ассоциаций, диссоциации понятий, манерности в изложении. Требуйте от себя и других простоты и ясности изложения. Вводите узкоспециальные термины только тогда, когда вы твердо убеждены в том, что они расширяют границы познания, точнее отражают предметную реальность и более адекватно передают ваши мысли. Не прибегайте к невразумительности как к средству уклониться от определенности суждений об обществе и избежать оценки вашей работы читателями.

3) Максимально используйте сравнительно-исторический метод там, где вы считаете это необходимым, но не пренебрегайте конкретными историческими деталями. Стройте любые формальные теории и модели. Подробно изучайте не только статистические данные и взаимосвязи между ними, но и уникальные исторические события. Избегайте догматизма и не отрывайтесь в своей работе от исторической реальности. Не думайте, что кто-то другой это сделает за вас. Поставьте себе задачу: определить историческую реальность, соотнести с ней проблемы своих исследований, попытаться прояснить их и тем самым способствовать решению зло-

бодневных социальных противоречий, которые создают людям ненужные трудности. И не пишите более трех страниц кряду, если не имеете четкого представления о предмете изложения.

4) Не исследуйте отдельно различные формы повседневности – изучайте социальные

структуры, в которые эти формы встроены. Исследуя более широкие структуры, выбирайте для детального исследования конкретные виды деятельности, чтобы понять, как социальные структуры и повседневная жизнь влияют друг на друга. Охватите в исследовании всю историческую эпоху: не будьте просто журналистом, пусть даже дотошным. Помните, что журналистика в лучших своих образцах – высокое призвание, но призвание социолога еще выше! Поэтому не надо

торопиться публиковать отчеты о моментальных срезах или об очень коротких промежутках времени. В качестве временных рамок выбирайте себе ход человеческой истории и разместите внутри него те недели, годы, эпохи, которые вы исследуете.

5) Помните, что ваша цель заключается в наиболее полном сравнительном изучении социальных структур – исторических и современных. Помните, что для выполнения этой задачи нужно преодолеть любые междисциплинарные преграды. Специализация должна осуществляться в зависимости от темы и, прежде всего, от значения поставленных задач. Формулируя и решая эти задачи, старайтесь творчески использовать концепции и факты, идеи и методы всякого исследования о человеке и обществе. Все когда-либо проведенные исследования принадлежат вам, как принадлежат они общественным наукам, представителем которых вы являетесь. Давайте отпор всякому, кто пытается подменить дело напыщенными фразами и претенциозностью всезнающего эксперта.

Для объективного мышления нужна работа в контексте "презентации". Сначала вы демонстрируете мысли самому себе, проясняете их, затем, почувствовав, что достаточно в них разобрались, представляете их другим

6) Всегда обращайтесь внимание на то, какой образ человека, какое понимание человеческой природы явно или неявно следует из вашей работы; на то, как вы трактуете ход истории, и то, как она делается. Словом, нужно постоянно пересматривать свои взгляды на проблемы истории, биографии и социальных структур, в которых биография и история взаимодействуют друг с другом.

7) Помните, что вы являетесь наследником классической традиции в социологии. Поэтому старайтесь понять человека не изолированно, не как отдельный объект или систему. Старайтесь понять мужчин и женщин в их социально-исторической конкретности, объяснить наличие определенных людских типов и механизмы их формирования в разных человеческих обществах.

Завершая какую-либо часть работы, оцените хотя бы приблизительно ее результаты с точки зрения основной своей задачи: понять социальную структуру и ее изменения, формы и смыслы современной вам эпохи, прекрасный и яростный мир человеческого общества.

8) Не принимайте в качестве проблематики своих исследований официально сформулированные социально-политические проблемы и обывательские ощущения личных трудностей. Прежде всего, не отказывайтесь от своей

моральной и политической самостоятельности, не перенимайте ни антилиберальную практику бюрократического этоса, ни либеральную практику моральной бесхребетности. Помните, что многие проблемы, с которыми сталкиваются отдельные люди, нельзя решить индивидуально; их надо рассматривать в социально-политическом контексте и с точки зрения исторического процесса. Помните, что значение социальных проблем определяется только их соотносительностью с заботами конкретных людей и их частной жизни.

Социология важна лишь в той мере, в какой ей удастся понять взаимоотношения индивидов и общества, отдельных биографий и исторического процесса. Только развитие социологического воображения дает нам шанс выявить особенности условий человеческого существования, присущих нашей эпохе. ■

*Перевод с английского О.А. Оберемко
под редакцией Г.С. Батыгина*

Литература

- Миллс Ч. Социологическое воображение / Пер. с англ. О.А. Оберемко под ред. Г.С. Батыгина. М.: Стратегия, 1998.
- Cowley M. Sociological Habit Patterns in Linguistic Transmogrification // The Reporter. 1956. 20 Sept.